

Кадровые ПРИБОРОСТРОЕНИЮ

ГАЗЕТА ИНСТИТУТА ТОЧНОЙ МЕХАНИКИ
И ОПТИКИ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

№ 9 (1474)

Пятница, 15 мая 1992 г.

Выходит с 1931 года

ПРАЗДНИК СВЕТАЛЫЙ И ПЕЧАЛЬНЫЙ

ПЕШКОМ В АМЕРИКУ?

Наконец стали известны имена обладателей первых грантов, которые выделили три американских университета для студентов и аспирантов нашего института.

Людмила Герасимова (кандидат технических наук, кафедра СОФП) продолжит свою научную работу в Аризонском университете. Людмила Герасимова — призер конкурса на лучший стандартный доклад, который был организован Международным обществом по оптической технике (SPIE) на Международной конференции по оптическому образованию в Санкт-Петербурге (сентябрь 1991 г.).

Андрей Окишев (кандидат технических наук, кафедра квантовой электроники) получил подтверждение на продолжение дальнейшего курса от Рочестерского университета (штат Нью-Йорк). Константин Кос (студент 5-го курса) продолжит свою учебу в частном Роз-Халманском технологическом институте.

Возможность стажироваться в американских вузах появилась у наших студентов после того, как наш институт стал налаживать

контакты и деловые отношения с зарубежными вузами. Контакты эти двухсторонние. Так, к примеру, осенью этого года в наш институт приедут 10 студентов из технологического института Роз-Халмана. Уже дважды проходили стажировку в китайских вузах студенты ИФФ. И вот теперь — Америка.

Иному покажется, что у обладателей грантов волнения уже позади. Впереди учеба, знакомство с культурой и наукой США. Но, увы, все не так радостно — впереди длинная дорога через Атлантику. Перед трамваем избранниками, после того, как наш институт отказался оплатить дорогу, встала нелегкая задача — приобрести билет за 50 тыс. рублей.

Решать эту задачу придется им самим. В связи с этим всплывают в памяти исторические аналогии — Михайло Ломоносов добирался до храма науки пешком. Может, и нашим первопроходцам совершить переход в Америку пешком?

И. СЕЛВАНОВА

Грани сотрудничества

В ЭКОЛОГИИ ГРАНИЦ НЕТ

Санкт-Петербург и Хельсинки, Финляндия и Ленинградская область — хотя нас и разделяет граница, но у экологических проблем таких границ нет. А значит экология — это проблема общая. Именно к такому выводу пришли участники «круглого

САМЫМ КРАЕШКОМ ОТПУЩЕННОЙ СУДЬБЫ

Александр Федорович Новиков — доцент кафедры ФХБИО инженерно-физического факультета. Уже несколько лет кафедра сотрудничает с китайскими коллегами из Харбинского политехнического института. Дважды Александр Федорович ездил со студентами в Харбин, где продолжал свою научную работу на научно-исследовательской базе Харбинского института.

Наше время хоть в чем-то меняется к лучшему. Уже не редкостью, хотя еще и не рядовым событием, стали поездки наших профессоров и преподавателей за границу. О пользе таких по-

ездам говорить не приходится.

Здесь не только расширение научного кругозора, повышение квалификации, обмен опытом, здесь присутствует еще один момент, который, как мне кажется, очень важен для обогащения преподавателя как личности. Это ликвидация нашего изоляционного провинциализма. Наступает другой этап познания за границы — не поверхностно-туристический, а глубокий, исследовательский. Мне кажется, именно к этому рубежу подошел Александр Федорович Новиков.

Состоялась встреча за «круглым столом», в которой участвовали МИПК, совет по делам науки и высшей школы мэрии С-

Петербурга, институт имитационных технологий Академии наук, Комитет по экологии и природопользованию С.-Петербурга и Ленинградской области «Ленком-природа», а также представители других организаций. Тема разговора — охрана окружающей среды и осуществление проектов в этой области.

Итоги встречи показали перспективность контактов с финской стороной по вопросам охраны окружающей среды, а также разработки долгосрочной программы сотрудничества.

И. КАМЧА

Итоги встречи показали перспективность контактов с финской стороной по вопросам охраны окружающей среды, а также разработки долгосрочной программы сотрудничества.

Итоги встречи показали перспективность контактов с финской стороной по вопросам охраны окружающей среды, а также разработки долгосрочной программы сотрудничества.

И. КАМЧА

свое зеркало», опубликованный в нашей газете после первой поездки в Харбин. Встречи и знакомства в Харбине с русскими эмигрантами натолкнули А. Новикова на мысль исследовать эту тему глубже. Работа над ней была продолжена дома. И вот итог — серия очерков для толстого жу, зала под предварительным названием «Харбин — город русский».

Сегодня мы знакомим наших читателей с выдержками из первой части очерка.

МАТЕРИАЛ ЧИТАЙТЕ НА 3-й СТРАНИЦЕ.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

- Куплю осциллограф и партию баночного пива
- Чисто английская общага
- Самым краешком отпущенной судьбы
- Метод контрольных вопросов
- К 200-тысячелетию со дня рождения нашей мамы

День Победы — праздник светлый и печальный. Сорок семь лет мы радуемся вместе с живыми и оплакиваем тех, кто не дожил до Победы, кого не досчитались за последний год.

Стареют ветераны. Но друг для друга они остаются прежними девочками и мальчиками военной поры, лучшими и преданными друзьями. Они делятся друг с другом своими радостями и печалами, выручают и поддерживают друг друга.

Так произошло в семье Валентины Михайловны Дубняк, 25 лет проработавшей в ЛИТМО. Долгое время она была деканом по работе с иностранными студентами. На войну ушла в 17 лет мстить за убитого под Керчью отца. Воевала на Северном Кавказе, там и познакомилась со своим будущим мужем.

— Нам было по 17—18 лет — всего хотелось: и веселья и танцев... А тут смерть, голод. И все равно это были лучшие годы в нашей жизни. Все было ясно: на нашу землю напал враг и мы должны победить. Мы — трагическое поколение. Сейчас нам тоже трудно, многое неясно и непонятно. Но мы с однопольчанами решили: несмотря ни на что сохранить свои традиции, не ворчать, не падать духом.

Бывший проректор ЛИТМО С. И. Киструцкий тоже полон оптимизма и энергии. Хотя и на пенсии, но в курсе всех институтских дел, каждый год встречает этот праздник с друзьями.

— Я считаю, что День Победы нельзя сравнивать ни с каким другим праздником, — говорит он. — Его всегда нужно праздновать — слишком дорогой ценой он нам достался. И молодежь должна знать свою историю...

А всегда ли мы знаем и помним!

Валентина Михайловна, никогда не пользующаяся своим удостоверением участника войны, рассказала, как на ее глазах два дня назад не хотели пропустить в парикмахерской очень старенького ветерана — устроили скандал. Она не выдержала, подошла к мальчику, сыну женщины, шумевшей больше всех, и спросила:

- Ты знаешь, что была война!
- Да.
- А кто воевал, знаешь!
- Наши с фашистами.
- А кто победил!
- Наши.
- Так вот, посмотри — этот дедушка и победил. Пропусти его, пожалуйста.

И всем стало стыдно.

Ветераны уходят. С каждым годом их становится все меньше. Давайте всегда будем помнить, что это они победили в той великой войне, защищая свое Отечество. И будем внимательнее и добрее к ним. И не только в День Победы.

О. БОБРОВА

Скажу честно: я никогда не жила в студенческом общежитии, как, впрочем, и ни в каком другом тоже. Даст бог, пожить там, вероятно, уже не придется, и да простят меня студенты с Вяземского, несколько не жалею об этом. Вот просто не хочется — и все тут. И, возвращаясь из студгородка, я всякий раз ловлю себя на том, что остался в душе неприятный осадок, хотя явных причин для этого, вроде бы, и не было. С ребятами встретилась приветливыми и доброжелательными, ко мне отнеслись с дружелюбным вниманием, в тех комнатах, где я была, вполне уютно и чисто... А то, что запах в коридорах мерзок и не поддается описанию, что не слишком приглядный вид имеют места общего пользования — так ведь они и название имеют соответственное. Видно, дело в чем-то другом...

Наверное, в нашей литературе и в сознании слишком долго жил определенный «романтический» образ студенческого общежития. Жили там сообща молодые замечательные ребята — немного безалаберно, но дружно и весело, чаще бедновато, но уж, когда придет кому-то посылка или перевод от любящих родителей — то «гуляли» все вместе. Вместе делали курсовики и готовились к экзаменам, вместе ходили в кино, музеи и походы, потом собирались вместе вечерами и пели грустные, светлые песни о любви...

Мне теперь трудно судить, насколько соответствовал действительности этот трогательный образ прежде, ясно только, что сейчас все по-другому. Мало куда ходят вместе, мало чем делятся друг с другом, на вечеринках не танцуют и песен о любви не поют... Меняются времена, меняются и привычки. И некоторые жаль. Жалко, если исчезнет студенческая песня, например. И интересно, почему все-таки не поют сегодняшние студенты? Потому что некогда и сегодня не до песен или слов не знают?

Понтересовалась в библиотеке у Людмилы Ивановны Ильясковой, которая двадцать лет работает в

отделе художественной литературы, что студенты читают?

— Студенты-ленинградцы здесь вообще почти не бывают. Большинство читателей — ребята из общежития. Читают, к сожалению, с каждым годом все меньше. Тех, кто приходит за серьезной литературой, я знаю в лицо и по имени — их несколько человек на весь институт. В основном, большой спрос на детективы и фантастику, на книги, что побойчее написаны, где нужно поменьше думать...

По моей просьбе она открыла наугад несколько формуляров. Почти все как близнецы братья: А. Кристи, Сименон, Дюма, Чандлер, Флеминг, бесконечные «Ангелики» супругов Голон и первоисточники знаменитых киносериалов — «Унесенные ветром» и «Поющие в терновнике»... Классика стоит нетронутой равно отечественная и зарубежная, стихи не спрашивают. Достоевского, Булгакова и Айтматова читают только иностранцы — видимо, хотя постичь загадочную русскую душу. Девочку-первокурсницу, которая интересуется историей Древнего Рима, Людмила Ивановна назвала в разговоре несколько раз. Ее зовут Инга.

Как же так? «Главная гордость образованного человека — его библиотека» — подсказывает нам благородный рыцарь отечественной культуры академик С. Д. Лихачев и присылает «открывать» хорошие книги в окрестности «незначительных», помнит, что каждый человек обязан заботиться о своем интеллектуальном развитии... Возможно, меньше заслуженного академика многим просто не известно, а может быть, кто то и прислушался бы к нему, да некогда. Похоже, слова блаженного Августина: «Единственным признаком благородства скорей станет знание литературы», — увя, не стали пророческими. Нынче как-то не принято говорить о благородстве. Говорят, в основном, о плохой жизни и о делах. Современный студент — человек деловой. Это сразу видно. Потому что, если театр начинается с вешалки, то общежитие начинается с доски объявлений.

Я была ошарашена, увидев ее впервые, и мне сразу стало ясно, что читать студентам некогда, потому что они пишут. С определенной долей уверенности можно предположить, что реклама и объявления — самый популярный литературный жанр на сегодня.

«Хотите идти в ногу со временем? Покупайте секундомеры «Агат!»

«Куплю партию баночного пива на 5 тыс. р.»

«Дешево! Слезоточивый газ «Черемуха!» 100 мл — 200 р. Оставьте телефон...»

«Продаю!!! По приемлемой цене сигареты «БОНД». Спешите оставить свои координаты...»

Почему-то не спешат. Даже странно. Хотя при таком изобилии предложений трудно остановиться на чем-то свой выбор. Все на продажу! Продается один билет от Софии до Петербурга на доллары и дрожжи на отечественные рубли, видик «Фунай» и махровые полотенца, осциллограф С-1-68 и коньяк «Натолон», «кирка черная осетровя» в стеклянных банках в количестве, равном бесконечности» и «элегантные женские туфли, белые, как снег».

«Срочно и недорого — кофейный сервис на 6 персон и контрацепция «Тристон»... Масло для «Жигулей» М-6, папиросы «Любительские» и новый двухкамерный холодильник. И, кроме того, еще много всякой всячины...»

Говорят, в Америке не принято спрашивать, сколько денег зарабатывает собеседник. У нас раньше каждый инженер мог честно признаться, что зарабатывает сто двадцать рублей в месяц и живет на это. Кажется, мы начинаем сами стесняться «подобных» вопросов, так как на то, что получает большинство из нас, прожить просто никак невозможно. И трудно осуждать молодых ребят за то, что они пытаются сегодня найти свой бизнес на фоне всеобщей неразберихи по пути к рынку. Поэтому мне показалось просто неприличным подойти к некоему Саше или Леше, указанным в объявлении, и спросить, глядя в глаза: «А где вы взяли технические серебро и мотоциклетные покрышки три с половиной на восемнадцать «ИЖ Юпитер» в таком количестве? Или спирт, ценной 300 р, за литр? И почему в свободное от бизнеса время посещения Ангелики привлекают

КУПЛЮ ОСЦИЛЛОГРАФ И ПАРТИЮ БАНОЧНОГО ПИВА

вас больше, чем душевные терзания Родиона Раскольникова, убившего старушку — процентщицу?»

Я тоже не все понимаю в сегодняшнем дне. И мне трудно обвинять их в чем-то, потому что, прежде чем спрашивать, нужно научиться. И совершенно мне не понятно, почему общежитие осталось за кругом интересов администрации института, а студенты оказались предоставленными самим себе. В студгородке на Вяземском на 25 декабря числится почти полторы тысячи студентов. Конечно, все они разные. Приехав из разных уголков России и, как теперь принято говорить, «ближнего зарубежья» и оказавшись в непривычной для большинства атмосфере большого города, вдали от дома, они нуждаются и в помощи, и в совете, и в организации досуга. Директор студгородка И. Митенкова расстраивается, что только зам. декана ИФФ В. Коротаев по три раза в неделю приезжает, чтобы помочь своим студентам, а представителей других деканатов она давным-давно не видела. Студсовет как-то враз самоликвидировался — никто не хочет работать бесплатно. Некому следить за порядком, особенно в ночное время.

— Первокурсники весь первый семестр на головах ходят, — жалуются Митенкова. — Ночью не спят, гуляют, пьют — зачем им выдают талоны на водку? В старом корпусе не только стекла переколочены, там даже стенки — они тонкие, из сухой штукатурки, — и те разбиты. Зимой ветер гуляет, сами потом простужаются и болеют...

Правда, первая сессия несколько отрезвляет ретивых первокурсников. Кто-то вылетел из института, остальные вспомнили, что приехали учиться. Ирина Николаевна работает в общежитии тринадцать лет, считает, что за это время ребята очень изменились.

— Избалованы они. Ко всему чисто потребительское отношение. Никто за собой не убирает, петел на пол тряснут. В институте они все хорошо одеты и выглядят прилично. А зашли бы преподаватели к ним в комнаты, да посмотрели — там черт знает что творится, — а потом бы на экзамене припомнили. У нас ведь нет никаких рычагов воздействия, а хорошо бы ввести штрафную систему, — размечталась Ирина Николаевна. — Потерял пропуск —

штраф, разбил выключатель или отказался от дежурства — опять штраф...

Недовольны своей жизнью и сами студенты. Старожилы общежития Ирина и Вячеслав Борисевичи вспоминают, что несколько лет назад жили и дружнее и веселее, два раза в год были субботники — мыли стены. Хотя порой и из-под палки, но было чисто. Под новый год устраивалось общее веселье, а сейчас — гробовая тишина, словно нет никого. Правда, в последний новый год немножко погуляли — была драка до крови на международной почве...

— Нет, драк теперь почти не бывает, — успокоила Митенкова, — боясь саязываться друг с другом — у многих есть газовые пистолеты или баллончики... А то, что на праздники стекла перебить — сами потом чихать будут...

Я уходила из общаги поздно вечером. Была пятница. Но тихо в прокуренных коридорах и пустых, кежидого вида, кухнях. Ира Борисевич провела меня по новому и старому зданию. На лестницах и в переходах не горело ни одной электрической лампочки и никто не потелся нам навстречу.

Кафе не работало. Говорят, собираются закрывать — невыгодно: почти никто не ходит, потому что дорого — и нет выручки. Видеосалон тоже скоро закроют по той же причине. Пока только на лето. В помещении салона будет камера хранения. На дверях клуба с немодным названием «Романтик» висел амбарный замок. Сказали, что здесь тоже никто не хочет работать бесплатно. Уголочек отдыха, где за «смехотворную цену» — три рубля за полчаса игры — можно было бы поиграть в теннис, находится далеко, на Саблинкей. Но здесь жители студгородка бывают не часто. Не то, что поиграть, пообедать и то не ездят, потому что большинство живущих здесь — студенты оптического факультета и учатся они за тридцать земель от студенческой столовой и уголка отдыха — в Сосновке Поляне.

Был весенний вечер. И была предвечерняя пятница.

И мне совсем не хотелось пожить в этом общежитии. Настроение почему-то было северное...

О. БОБРОВА

ЧИСТО АНГЛИЙСКАЯ ОБЩАГА

Одно из общежитий Лестерского университета (самое типичное) находится в двухэтажном коттедже, размещенном в парковой зоне.

На первом этаже живут парни — заласной выход из каждой комнаты прямо на спортивные лужайки. На втором — девушки. В студсовете считают — так безопаснее. В каждой комнате живет один студент, но есть и «двубрум» — комнаты на двоих. Это кому как нравится.

Жизнь в общежитии управляется студенческим советом. Если у молодых людей возникают претензии к администра-

ции, они обращаются в свой профсоюзный комитет.

Вместе с тем существует небольшая, в пол-листочка, как бы инструкция — просьба к молодым людям, пришедшим учиться в университет. В инструкции четыре пункта: здоровье студента, мотосредства, прожизвание и дисциплина. Прогатительно звучала просьба: «Один раз в три месяца посещать врача-сексолога» и «Не парковать свои автомобили за чертой университетской территории». Инструкция подписана так: «С искренним уважением ректор Джеффри Робинсон». По части развлечений в лес-

терской общаге тоже не слабо: разумеется, помимо читальных залов, футбольных полей и кортов, есть свой клуб с баром. Набор напитков — от кока-колы до старого доброго шотландского виски и русской водки. Здесь же танцевальный зал с хорошей аппаратурой в дискотеке.

Теперь об оплате за проживание в комфортабельном общежитии, в комнатах которого согласились бы пожить не только русские студенты, но и наверняка некоторые их наставники. За одноступенчатую комнату платят 1600 фунтов в год. По нашим меркам это много.

Но раскошеливается не сам студент и даже не его родители, а муниципальные власти, направляющиеся.

Комната на двоих стоит почти на 200 фунтов стерлингов меньше. Оплата включает пользование всеми бытовыми услугами, а также двухразовое в обычные дни и трехразовое по субботам и воскресеньям питание. Олишу лишь субботний десерт, поданный студентам: традиционный для англичан молочный пудинг, виноград, бананы и груши. Желавшие вместо пудинга могли взять мороженое.

Сумма стипендий варьирует-

ся в зависимости от дохода родителей студента. Соответственно родители полностью оплачивают учебу детей.

И все-таки больше всего в общежитии британских студентов меня удивили не туалеты, сверкающие чистотой, не уютная кухня с холодильником, забытым сосисками и пивом, в отсутствие дядьки-вахтера. Каждый студент имеет свой маленький ключик — от входной двери.

А. КУПРИЯНОВ,

«Комсомольская правда», 18.02.92.

САМЫМ КРАЕШКОМ

А. НОВИКОВ

ОТПУЩЕННОЙ СУДЬБЫ

«В Китае, как ты знаешь, и сам император и все его подданные — китайцы», — так начинается прелестная сказка Андерсена. Утверждение это, однако, не совсем справедливо, для наших дней по крайней мере, хотя, нет слов, в Китае по-прежнему очень много сказочного. Дело же в том, что в былом русском, а ныне китайском городе Харбине жили и по сей день живут русские люди. Их не так уж и мало. Здесь нашли они себе дом и пристанище — для одних постоянное и последнее, для прочих — временное. В числе этих вот прочих пострадалось и мне малым краешком отпущенной судьбы, всего на несколько, промелькнувших мгновением, месяцев прикоснуться к жизни щедрого во многих отношениях города, преимущественно русского по прошлому своему и китайского по сегодняшней его принадлежности.

Пласты истории двух стран настолько плотно сконцентрировались тут, что произошло, видимо, то изменение, ккое происходит под огромным давлением с кусками черного блестящего угля, — явились крупицы алмаза. Оттого, по-видимому, Харбин в последнее время все более привлекает напряженное внимание людей во всех концах света, людей, так или иначе соприкоснувшихся с этим неповторимым уголком нашей планеты. Эту магию притяжения Харбина в полной мере испытал я: сама по себе безызыскная поездка в служебную командировку за границу превратилась для меня едва ли не в самое крупное по глубине переживания и, вообще, по душевной значимости событие в жизни. Харбин подарил мне незабываемые встречи, ни с чем не сравнимую радость человеческого общения и дружбы с необыкновенными харбинцами — и русскими, и китайцами, и не только с ними — со сторожками этого замечательного города и с весьма живыми здесь поселенцами. Хотя давно уже сказано, что все мы временные на этом свете.

Еще одно возбуждает пристальный интерес наших соотечественников в России и за рубежом: судьба Харбина явила, кажется, первый печальный пример вытеснения коренных жителей из иронично русских городов нашего, некогда сплоченного государства.

«Закончился русский Харбин», — горестно восклицал один из многочисленных жизнеописателей города, — построенный русскими и приспособленный для русской жизни!».

Горько, очень горько, если он окажется или уже оказался прав. Подтверждений тому долго искать не нужно — они налицо. И все же, и все же... Побывав там, увозя с собою ощущение отчаяния не безнадежности и невозвратной утраты, как после встречи с некоторыми памятниками нашего прошлого. Нет, место это далеко не пусто: город жив, история его продолжает твориться и обновляться теперь, правда, усердно, заботами и гостеприимством китайских братьев, главным образом. Первоначально, но единственными хранителями русского лица и духа в Харбине сделались китайцы. Испопать...

Харбин с первых дней его основания и до сего дня населяли и населяют выходцы из России самых различных национальностей. Поэтому, чтобы не запутаться, стану называть всех просто русскими харбинцами, так

звуют их китайцы, так называют себя сами жители старого Харбина и приезжающие сюда из России на время. Среди тех и других можно узнать и русских, и татар, и украинцев, и поляков, и евреев, и белорусов. При этом Харбин их не разделяет, напротив — соединяет.

Итак, разговор наш о русском Харбине и о русских в Харбине.

Харбин — город русский

Харбин, по лицу своему, точнее по каменному своему лицу — город совершенно русский. Бродить впервые по старым кварталам, по районам новой застройки и не можешь отделаться от чувства, что ты уже был здесь когда-то, возможно, очень давно. Это верный признак того, что город этот плоть от плоти твоей Родины. Если бы не узоры иероглифов на стенах и уличных полотнищах да не лавины велосипедов, нескончаемым потоком текущие по проспектам, улицам и переулкам, легко вообразить будто находишься не за далекой восточной границей, а где-нибудь в Новосибирске, Чите, Самаре или в другом русском городе средней руки. Проглядывает тут порою что-то и от обеих российских столиц.

Первостроители Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и, одновременно, города Харбина, высадились 28 мая 1898 года на берегу полководной Сучгары с двух кораблей «Святой Иннокентий» и «Благовещенск». Высадились с лопатами, кирками, заступами, и как полагаются, с энтузиазмом, помолившись Николае Угоднику, зачали город...

«...Приезжай, — говорили моему папе, на КВЖД, — словоохотливо рассказывает мне сидящая в соседней комнате женщина, — по-молодому стройная, с небесно-яркими глазами, — здесь богатые перспективы. Ну и мы приехали, поглядели округ и граба один перспектив — пусты, до горизонта, солки да берега, затопляемые по берегам. Направили семью нашу на пункт. Сначала так трудно было, так трудно, просто страшно — ведь ничего нет. Потом уже только в Харбин перебрались...».

Благая мысль соорудить Дорогу меж русских маньчжурских ерпов напрямую в сторону Владивостока, а затем ответить ее в порту Дальний (Дальны позитивный) осенила неизвестного Сергея Юльевича Витте, тогда еще министра путей сообщения России. Бело-розовый особняк его сохранился на Петроградской стороне до нынешних дней. Я миную его, почтай, каждый день, добираясь с работы и на работу. Как-то раз, задержавшись на кем взглядом, я вдруг припомнил, что подобное же здание встречалось мне в Харбине, кажется, в районе с историческим названием Пристань (сейчас — Даоли), не на Китайской ли улице Или, быть может, на Большом проспекте в Новом городе (ныне Наньган)? Разве что колер другой...

Сергей Юльевич еще в те далекие предтросовые годы далеко предсказал Харбину блестящую будущность. Так или иначе она состоялась, вопреки — или, скорее, благодаря — выпавшим на его долю испытаниям.

По мере того как етальные усы дороги все глубже прорастали сквозь безлюдные маньчжурские земли, разрастался и все гуще населялся Харбин: и

1903 году здесь проживали уже 44 576 человек (согласно однодневной переписи), через десять лет население удвоилось.

Люд сюда стекался, надо сказать, самый разномастный: русских, точнее православных, набиралось к этому времени около половины, прочие относились по вероисповеданию к католикам, протестантам, иудеям, буддистам, конфуцианцам. Не одних лишь сыновей России и, естественно, Китая манила к себе Дорога — поселялись тут более или менее компактными группами и японцы, и немцы, и голландцы, и поляки, и французы...

«Вот так вот, — горестно по-

Русские харбинцы.

Фото А. Новикова.

маргиналы слабовидящими глазами под набухшими веками, гримасит русская харбинка, — все-то двадцать лет осталось. Как Алексея Михайловича, значит, похоронили, так четыре всего-то старика у нас и осталось, из русских-то. Помрем мы — и все, значит...».

Набалдашкин ее палил лоснится от долгой службы, она висит и вновь трет его беспокойной рукой в самовязанной рубашке.

Дорога, как это спеской веку водится у нас на Руси, сооружалась в условиях ужасающих, в постоянных нехватках самого необходимого как для строительств, так и для строителей. Предприятие подобного размаха возбуждало не только трудовой энтузиазм и самоотверженность, но и алчность, казнокрадство и прямая разбой.

Наверное, самый болезненный удар был нанесен Дороге в 1900 году, когда лавины китайских повстанцев ринулись крушить все, что построили в их стране иностранцы. Восставшим руководил тайное общество под знаменательным названием Иха-цзюань — «Кулак во имя справедливости и согласия», звучит недурно, не правда ли? «Кулак» этим, увы, было изуродовано 1900 километров полотна дороги из уложныхных 14001. Все пришлось начинать сызнова...

Под духовые оркестры (наиболее пристойный случаю вальс «На солках Маньчжурии» был в то время, к великому сожалению, еще не сочинен), под водичку и под духовые песнопения Дорогу ввели-таки 1 июля 1903 года в эксплуатацию, разумеется, с немилосердными у нас огрехами и недобделками, кои поправляли затем уже на ходу в течение нескольких лет.

Так или эдак, однако, Дороге дана была жизнь, а Харбин, исподобованный рельсами едоль и

поперек, сделался столицей КВЖД.

По-русски в Китае вообще, а особенно здесь на Северо-Востоке, вблизи нашей границы, говорят очень многие. С теми без церемоний заговаривают случайные полуточки в троллейбусе или просто на улице — предлагают свою помощь или отдают дань любопытству, иногда кажется, что ими движет желание поговорить на русском языке, показать свое умение.

Некоторые из говорящих по-нашему, их немало, получили образование в Союзе тогда еще, в пятидесятых, на заре советско-китайской дружбы, другие учились здесь у приглашенных со-

вершенно вынудят гостей спеть или исполнить что-нибудь свое. Наши соотечественники, повторялось это неизменно каждый раз, не сговариваясь, затягивают «Бродягу» или «Темную ночь», а по особому заказу хозяев «Подмосковные вечера» и, конечно же, «Катюшу». Удивительное дело, все до одного наизусть знают, оказывается, слова и мотивы этих давно отошедших от нас песен. Сначала нехотя, смущаясь, едва открывая рот, иронически поглядывая на прочих певцов, но чем далее, тем серьезнее и громче, а под конец с самым неподдельным воодушевлением поем мы русские песни. Щемящее, тоскливое и радостное од-

ветских инженера и ученых. Судя по результатам, поработали они совсем неплохо. До сих пор пыхают в Харбине сооруженные и оборудованные ими заводы и фабрики, дают ток электростанции, служат жилые дома, взведенные по отечественным проектам. На нас, нынешних, перекосит китайцы чувства дружбы и благодарности к нашему старшему поколению — семья, брошенная в добрую почву, плодородит сторицей.

Это вот наложение прошедшего времени образа послевоенного поколения русских на всех приезжающих в Харбин сегодня производит действие, необычайное. По собственному моему ощущению, казалось порою, будто суровая натура моего отца мистическим образом переселилась в мое тело: там я замечал за собой, как делалось более скупое и менее — и ли малейшей усталости! За месяц уставевшая там больше, чем дома, наверное, за год. А какой подъем, какое удовольствие от работы!

И еще. С немалым для себя самого изумлением обнаружил, пожив в Харбине, что из музыки все более начинаю предпочитать незатейливые сентиментальные песенки тридцатых-пятидесятых годов, цыганские романсы, эрик из оперетт, резонанс в душе все чаще находят ритмы танго, фокстрота, вальсов, по-новому открывается исполнительство Вертинского, Утесова, Лещенко, Викисорбодова... И не только у меня, по всей видимости.

На добром приеме или званом вечере настоящие китайцы не-

современно чувство забытого душевного единения мурашками пробегает по телу от пятки до самой макушки. И теплится слабая лампадка надежды: а может, не все еще потеряно для нас!

На одном из приемов, кажется, по поводу встречи нового года, когда китайский юноша на эстраде запел дежурную «Катюшу», из толпы приглашенных выпорхнула вдруг на середину зала девочка-десятиклассница, дочка одной из наших преподавательниц, и принялась выделывать руками, ногами и всем телом нечто давно забытое, да с таким эртартом и артистизмом, что зал ахнул и замер. Была в этом танце и «Барыня», и «Цыганочка», и «Камаринская» — все вместе. «Русский ангел!» — восхищено прошептал стоящий рядом японец в ухо замлелавшей от обожания мамаше героини праздника.

Невольно пришла на память сцена из «Войны и мира»: «где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, эта графиненка, воспитанная...» И так далее.

Но ведь и правда: современная девочка, сыплющая целыми строфами из Гумилева, Цветаевой, Бродского, небрежно бросающая суждения о стиле рэп и о новой войне в роке. Выха в этот момент с полным самообладанием и искренностью предавалась этому почти атижизническому танцу. Песец, похоже уже емоционально надсадивший голос, в четвертый раз без остановки заводил песню сначала, в «русский ангел» все делал и летал посреди многочисленного соборива на сцене далекой восточной державы...

Китай возвращает русских самим себе.

Продолжение следует.

